

Сметанина Татьяна Александровна, Ванюхина Александра Михайловна

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА И СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

В статье сопоставляются взгляды В. С. Соловьева и эстетические установки в теории и практике современного искусства. Выявляются точки их сближения и расхождения. В качестве ключевых положений эстетической концепции В. С. Соловьева анализируются идеи символичности, объективности, гармонизирующей и преобразующей функции искусства, роли художника-творца. Отмечается роль философско-эстетической концепции В. С. Соловьева как попытки преодоления кризиса европейской модели культуры. Творчески перерабатывая наследие христианской эстетики, В. С. Соловьев открывает возможность и необходимость ее адаптации к новым социокультурным реалиям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 173-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

**“NEW WOMAN” IMAGE IN THE SOVIET CINEMA OF THE 1930S
(BY THE EXAMPLE OF THE FILMS “EARTH IN CAPTIVITY” AND “WOMAN’S WORLD”)**

Smagina Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism
Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov in Moscow
smsval@mail.ru

The cinema of the 1930s, mythologizing Soviet reality, still promotes formation of proletarian morality and acknowledging the special role of the woman in the society. The woman now is an ideological trumpet of new life. The article analyzes the films “Earth in Captivity” (directed by F. Ozep) and “Woman’s World” (directed by E. Dzigan and B. Schreiber) devoted to heroines, who challenged the old lifestyle and claimed an equal status with men in the Soviet society.

Key words and phrases: Dovzhenko; Ozep; Dzigan; history of Soviet cinema; woman in cinema; “new woman”; gender; earth.

УДК 130

Философские науки

В статье сопоставляются взгляды В. С. Соловьева и эстетические установки в теории и практике современного искусства. Выявляются точки их сближения и расхождения. В качестве ключевых положений эстетической концепции В. С. Соловьева анализируются идеи символичности, объективности, гармонизирующей и преобразующей функции искусства, роли художника-творца. Отмечается роль философско-эстетической концепции В. С. Соловьева как попытки преодоления кризиса европейской модели культуры. Творчески перерабатывая наследие христианской эстетики, В. С. Соловьев открывает возможность и необходимость ее адаптации к новым социокультурным реалиям.

Ключевые слова и фразы: русская философия; философия Всеединства; кризис культуры; эстетика; символизм; красота; постмодернизм; современное искусство.

Сметанина Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент

Ванюхина Александра Михайловна

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
TanSmetan@yandex.ru; sashavanuhina@gmail.com

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА
И СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**

Эпоха доминирования единого «большого стиля» в искусстве осталась в прошлом. Современное художественное пространство эклектично. Оно формируется под влиянием постмодернистской установки на равнозначность и равноценность самых разных эстетических концепций. Массовая культура, отражая тенденцию к глобализации культурного пространства, успешно вытесняет из него практики, основанные на национальной, этнической, локальной традиции. С другой стороны, явно прослеживается и противоположная тенденция, связанная с напряженным поиском путей сохранения этнокультурной идентичности и культурной целостности. Актуализируется поиск мировоззренческих и эстетических концепций, которые могли бы составить основу этой цельности. Разворачиваются дискуссии относительно возможности или утопичности данных проектов. Эти споры выходят далеко за рамки философской, искусствоведческой проблематики и затрагивают важные аспекты общественной жизни.

В постсоветской России, заново открывшей для себя культуру Серебряного века и русскую религиозную философию, интерес к этой эпохе и ее культурным героям чрезвычайно высок. Она часто воспринимается в качестве идеализированной антитезы как советской, так и современной западной культуры. Религиозные искания и обращение к церкви интеллигенции привели к существенной дифференциации и среди самих верующих [7, с. 168]. Религиозно-философские концепции, представлявшиеся церковным идеологам начала XX века сомнительными, сегодня оказываются весьма востребованными.

Интерес именно к наследию В. С. Соловьева не случаен. Он – один из немногих русских мыслителей, кто на основе религиозной философии разработал целостную эстетическую концепцию. В ней органично соединились философия Всеединства, эстетика символизма, пафос преобразования мира посредством искусства, свойственный модернизму, и одновременно стремление опереться на христианскую традицию. Фундаментальные исследования философского обоснования эстетического в творчестве В. С. Соловьева начинаются спустя столетие после смерти философа [3; 4; 10]. И сегодня не подлежит сомнению, что «Вл. Соловьев оставил глубокий след в истории русской философии, придав ей значимость и соловьевскую неповторимость» [10, с. 155]. Он создал эстетику, которая отражала дух своей эпохи. Но отражает ли она дух современности? Представляет ли она сегодня интерес только в рамках истории философии и религиозной эстетики или возможна ее адаптация в светском, очень неоднородном по своим культурным ориентирам обществе?

Для поиска ответов на эти вопросы важно понимание ключевых положений эстетической концепции В. С. Соловьева: идеи символичности, объективности, гармонизирующей и преобразующей функции искусства, роли художника-творца. Так, красота для В. С. Соловьева носит объективный характер. Он рассматривает эту категорию в контексте космогонии, онтологизирует ее посредством идеи света, организующего и животворящего материя. Таким образом, материя становится носителем красоты через световое начало. Человек же, эмоционально переживая эту красоту, осознает совершенство и цельность мироздания, приобщается к божественному началу.

В современном искусстве трактовка художественного образа как символа, знака востребована очень широко. Символ всегда эстетичен, так как он является «органической целостностью» [5, с. 44]. С точки зрения формы и содержания символ – это «проплавка их друг в друге и их диалектическое взаимоотрицание и взаимопереход, дающий в итоге высшее единство» [6, с. 92]. Он одновременно выступает как собирательный образ объективных качеств какого-либо явления или предмета и воплощает субъективное отношение к ним со стороны человека. Но главный акцент в современном искусстве делается именно на субъективном начале, представленном как автором, так и зрителем. Категория красоты теперь отражает эмоциональное восприятие произведения с точки зрения субъекта. Важное место занимает процесс соучастия, сотворчества зрителя при «создании» произведения искусства.

По В. С. Соловьеву, творец искусства – это совершенный художник – теург, который должен обладать знанием признаков идеального бытия и в своем произведении преобразовывать неидеальное в идеальное. В минуты озарения и вдохновения он не должен отделять красоту от добра и истины. Более того, истинный художник в идеале должен воплощать их и в своей обыденной жизни, всем своим существом соответствуя своему произведению. Эстетическое, то есть красота, по В. С. Соловьеву, находится в прямой зависимости от этического.

В современном же искусстве, по мнению Т. Бинкли, художником может быть каждый, достаточно лишь «использовать (или, возможно, придумывать) художественные конвенции» [1, с. 308]. Современные художественные практики стирают границу между жизнью и искусством, но объединяющим моментом служит скорее игровое начало, нежели серьезное стремление к преобразованию мира. В. С. Соловьев же был убежден: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [8].

Истина, добро и красота сегодня уже не рассматриваются в неразрывном единстве. Напротив, эстетизация безобразного, утверждение абсурдности бытия и дегуманизации искусства проходит красной нитью сквозь искусство XX – начала XXI века. Но эти идеи, включая абсолютизацию творческой свободы и демонизацию образа художника, присутствовали уже в искусстве начала XX века, являясь тем контекстом, в котором формировалась и от которой отталкивалась эстетика В. С. Соловьева.

Поразительное созвучие взглядов В. С. Соловьева и современных философов-постмодернистов наблюдается в оценке будущих тенденций развития искусства. Мысль об исчерпанности, завершенности огромного, основанного на классической традиции, этапа развития культуры со второй половины XX века и по сей день определяет художественную практику и эстетические прогнозы относительно развития искусства. В. С. Соловьев уже в 1890 году, размышляя о будущем искусства, утверждал: «Я... не нахожу особенно смелым утверждение, что как указанные формы художества завершены еще древними, так новоевропейские народы уже исчерпали все прочие известные нам роды искусства, и что если последнее имеет будущность, то в совершенно новой сфере действия» [Там же]. Действительно, совершенно новые художественные практики, жанры и даже виды искусства стали формировать облик европейского искусства Новейшего времени. Эту историческую обусловленность и объективную необходимость в художественном новаторстве понимал В. С. Соловьев. Будучи религиозным мыслителем, он тем не менее подчеркивал: «Разумеется, это будущее развитие эстетического творчества зависит от общего хода истории, ибо художество вообще есть область воплощения идей, а не их первоначального зарождения и роста» [Там же].

Поэтому, подводя своего рода итоги, творчески перерабатывая наследие христианской эстетики, В. С. Соловьев открывает возможность и необходимость ее адаптации к новым социокультурным реалиям. XX век сделал очевидными тенденции, которые только наместились при жизни этого выдающегося мыслителя. Философско-эстетические поиски В. С. Соловьева можно рассматривать как попытку, «копираясь на опыт европейской духовно-научной традиции последних двух тысячелетий... наметить глобальную перспективу выхода культуры и человеческой жизни в целом из прозреваемого им, да и многими мыслителями его времени, глобального кризиса» [2, с. 41]. Этот кризис не преодолен и сегодня. Опыт целостного мирозерцания, основанного на гармонии духовного и материального, этического и эстетического, божественного, человеческого и природного, вера в возможность свободного творческого преобразования жизни определяют непреходящую притягательность философско-эстетических воззрений русского мыслителя.

Список источников

1. Бинкли Т. Против эстетики // Американская философия искусства. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 289-318.
2. Бычков В. В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. 1999. № 4. С. 3-43.
3. Кормин Н. А. Философская эстетика Владимира Соловьева. М.: ИФ РАН, 2001. Ч. 1. Святая гармония. 246 с.
4. Кормин Н. А. Философская эстетика Владимира Соловьева. М.: ИФ РАН, 2004. Ч. 2. Онтологические предпосылки. 216 с.
5. Рубцов Н. Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления. М.: Наука, 1991. 176 с.
6. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. Ереван: АН АрмССР, 1980. 226 с.

7. Сметанина Т. А. Потенциал религиозной традиции в зеркале церковной идеологии и массового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. 2. С. 166-168.
8. Соловьев В. С. Общий смысл искусства [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html (дата обращения: 30.05.2016).
9. Тарасов А. Теория деконструкции как философско-теоретическая основа эстетики постмодернизма // Философия и общество. 2009. № 1 (53). С. 174-187.
10. Шевченко Н. И., Тикунова С. В. Владимир Сергеевич Соловьев: о красоте, эстетике, искусстве // Экономика. Общество. Человек: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Белгород, 2014. С. 155-165.

V. S. SOLOVYOV'S AESTHETIC CONCEPTION AND MODERN ARTISTIC PRACTICE

Smetanina Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Vanyukhina Aleksandra Mikhailovna

Minin University in Nizhny Novgorod

TanSmetan@yandex.ru; sashavanuhina@gmail.com

In the article the views of V. S. Solovyov and aesthetic attitudes in theory and practice of modern art are compared. The points of their convergence and divergence are disclosed. The ideas of symbolism, objectivity, harmonizing and transforming function of art, the role of the artist-creator are analyzed as key provisions of V. S. Solovyov's aesthetic conception. The role of the philosophical and aesthetic conception of V. S. Solovyov as an attempt to overcome the crisis of the European model of culture is noted. Processing creatively Christian aesthetics heritage, V. S. Solovyov reveals possibility and necessity of its adaptation to new socio-cultural realia.

Key words and phrases: Russian philosophy; philosophy of universal unity; crisis of culture; aesthetics; symbolism; beauty; postmodernism; modern art.

УДК 61(091):35.081.64

Исторические науки и археология

Статья посвящена начальному периоду истории российской медицинской интеллигенции. В XVI-XVII вв. для обеспечения медицинской помощью царской семьи, затем и армии приглашали врачей из-за границы: в России квалифицированных медиков не было. Подготовка национальных кадров началась во второй половине XVII в. На материалах Аптекарского приказа – органа медицинского управления – автор рассматривает правовое, общественное и экономическое положение медицинских чинов, главным образом иностранных специалистов, занимавших высшие ступени в медицинской иерархии.

Ключевые слова и фразы: Аптекарский приказ; иностранные врачи; русские лекари; общественный и правовой статус; материальное обеспечение.

Смирнова Елена Михайловна, к.и.н., доцент

Ярославский государственный медицинский университет

smirnova.klio@mail.ru

«АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗУ ЛЮДИ» НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Первые сведения о врачевателях на Руси относятся к XI в. Медицинскую помощь оказывали монастырские врачи-монахи, мирские «лечцы», практиковали и иноземные лекари. Начиная со второй половины XV в. иноземные врачи регулярно приезжали к московскому великокняжескому двору: Антон (Немчин) и Леон (Жидовин) – при Иване III (1455-1505), Марк (из Константинополя), Николай Булев и Феофил (оба из Пруссии) – при Василии III (1505-1533). В царствование Ивана IV (1533-1584) число врачей-иноземцев возросло. В разные годы при дворе практиковали доктора Е. Бомелий, А. Дий, А. Линдсей, Р. Стендиш, Р. Рейнольдс, Р. Ригерт, Р. Якоби. В этот период в Москву чаще приглашали англичан – Иван Грозный стремился к развитию отношений с Великобританией.

В конце XVI в. был учрежден орган медицинского управления – Аптекарский приказ, первоначально предназначенный для обслуживания царской семьи. С этого времени на «государевой» службе постоянно находились доктора, лекари, аптекари и другие чины медицинского профиля. В XVII в. в сферу деятельности Приказа уже входила забота о здоровье правящей элиты и «ратных людей». Первые Романовы активно привлекали иностранных медиков: в царствование Михаила Романова было приглашено 4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря; при Алексее Михайловиче – 11 докторов, 3 лекаря, 1 глазной врач и 6 аптекарей; при Федоре Алексеевиче – 4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря [4, с. 48]. Предпочтение отдавалось протестантам: англичанам, голландцам, немцам. К католикам после Смутного времени в России относились враждебно, хотя австрийцы (цесарцы) и выходцы из Речи Посполитой встречались среди чинов Аптекарского приказа. Штат докторов и лекарей был непостоянным: в 1656 г. 3 доктора, 4 лекаря в Москве и 2 – в полках [7, д. 688, с. 657, д. 699, с. 663]. Во второй